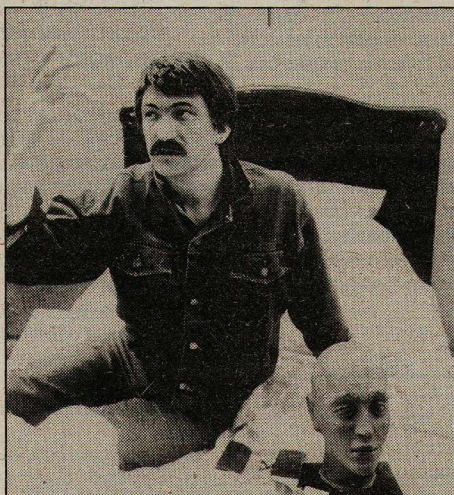

Моск. новости. ПРЕМЬЕРА -1997, -21-28 янв.

Моление о счастье

Новый фильм Александра Сокурова

В недавно опубликованной беседе Андрея Тарковского с Глебом Панфиловым автор «Зеркала» так отозвался о первом игровом фильме Сокурова: «Там есть куски, которым я просто, не скрывая, завидую, потому что мне так никогда не снять...» О кинемире и киноязыке Александра Сокурова написаны сотни статей и даже целая книга, но каждая новая его работа все равно поражает — причем сегодня не столько визуальной изощренностью, сколько стремлением автора всерьез и ненадрывно говорить о

Александр Сокуров

Боге, о жизни и смерти, о человеческой душе. На фоне торжествующей пошлости телеэкрана и небогатых возможностей многих из тех, кто на поезде братьев Люмьер уверенно въезжает во второе столетие, это производит прямо-таки шокирующее впечатление, что по достоинству оценили японцы: именно при участии японского телевидения, а также «Ленфильма» и «Север-

ного фонда» снята новая картина Сокурова «Восточная элегия» (оператор Алексей Федоров, художник Вера Зелинская). Эпиграфом к ней могли бы стать слова замечательного поэта прошлого века Константина Случевского: «Меня в загробном мире знают. Там много близких, там я свой». Элегия — излюбленный жанр сокуровского философского кино, исповедь, фантазия, видение, сон, «жалобная песня» — если следовать переводу слова с греческого, — которую невозможно свести к описанию сюжета. Да и какие сюжеты в снах, прозрениях и мечтах? Вместе с автором, силуэт которого едва угадывается, мы попадаем сначала на берег моря, потом на некий призрачный остров, где пахнет жасмином и мертвые дома окутаны туманом. Но вот в окне теплится огонь — это души умерших вернулись ненадолго туда, где жили когда-то. Они делятся с нами не собы-

тиями своей биографии, но некими хрупкими, мимолетными впечатлениями, чувственными и осязаемыми, как черно-белые кадры сокуровских пейзажей. Похоже, это-то и было главным в их жизни. Старая женщина вспоминает, как во времена ее детства рано утром люди выходили убирать улицу, долго работали в тумане, а потом, когда туман рассеивался, она видела лица отца, матери, соседей... Старик на вопрос о том, хотел бы он прожить еще одну жизнь, долго думает и отвечает: да, но только деревом с красными плодами. Женщина, инвалид с детства, размышляет об одиночестве как сознательном выборе — и столько достоинства и деликатности, кажется, навсегда утерянных нами, звучит в ее словах: «Что такое счастье? Не знаю, его было так мало. Хорошо, когда рядом близкие, но нельзя быть назойливыми». В текстах, озвученных самим автором, органично сочетаются русский максимализм в решении нравственных вопросов с восточной сдержанностью и недоговоренностью.

«Восточную элегию» трудно назвать видео- или телефильмом, хотя по японскому телевидению ее уже показали, теперь ведутся переговоры с нашими каналами. Это вообще явление не столько эстетического, сколько духовного, философского порядка. Это молитва, которую в конце XX века создал режиссер с помощью музыки Чайковского, Малера и Вагнера, суперсовременных возможностей электронного монтажа и макетов, сделанных вручную. Вот лишь один фрагмент его диалога с теми, кому нельзя не верить: «О чем нам просить Бога?» — «Молите разум, чтобы он дал вам выжить».

Нина АГИШЕВА